

Научная статья
УДК 930.85
DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_155

КОЧЕВНИКИ В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Андрей Васильевич Шпилов¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹Доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики
и социально-гуманитарных дисциплин, ORCID ID: 0000-0002-8885-2157, тел.: (473) 255-26-19,
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены существующие в отечественной и зарубежной историософии и историографии подходы к оценке места и роли кочевых скотоводов во всемирной и цивилизационной истории. Установлен факт, что, как сторонники идеи универсальной всемирной истории, так и представители цивилизационного подхода рассматривали номадизм не столько как социально-исторический, сколько в качестве естественно-исторического явления. В то же время исследователи, разделяющие концепцию особой кочевой цивилизации, апологизируют последнюю, утверждая ее ведущую роль в истории Евразии последних тысячелетий. Автор присоединяется к критике данной концепции, но соглашается с идеей общности кочевых народов, состоящей в том, что в силу высокой степени экологической детерминированности их хозяйства общества номадов пребывали в динамическом гомеостазе. Решение вопроса об отношении номадизма к истории представляется автору возможным в перспективе перенесения исследовательского интереса на формы исторического самосознания письменных и бесписьменных кочевых обществ.

Ключевые слова: история, природа, экология, кочевники, кочевая цивилизация, социальное развитие, динамический гомеостаз.

Для цитирования: Шпилов А.В. Кочевники в истории и историографии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 155–162. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_155.

Введение

Если Геродот был назван «отцом истории» (как науки), то Гегеля можно назвать «отцом исторического развития» (как идеи). Как известно, у немецкого философа абсолютная идея движется от себя к себе, расставаясь с собой по дороге и производя тем самым реальность, где данное движение, снабженное целью и смыслом, закономерное и объективное, и есть история. Смысл *универсальной истории* Гегель видел в осуществлении свободы: «всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы»; «всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы» [9, с. 105, 455], каковой процесс движется с Востока на Запад, пока не находит свое совершенное завершение в германском протестантизме и прусской монархии. Историческими при таком понимании выступали лишь те страны и народы, которые имели непосредственное отношение к этому процессу-прогрессу, существование же прочих не имело внутренней необходимости; среди последних оказались и азиатские (точнее, евразийские) номады.

Результаты

Кочевники и история

Г.В.Ф. Гегелю кочевники неинтересны, так как «у них еще нет исторического содержания», «эти народы не настолько развились, чтобы у них существовала история». Правда, время от времени «они собираются большими массами и благодаря какому-нибудь импульсу приходят в движение», но от движений номадов в истории одни неприятности: «они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения. Такие движения народов происходили под предводительством Чингисхана и Тамерлана: они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала» [9, с. 134–135, 144]. Таким образом, кочевники приходят в историю извне, и это не их история (последнюю, напомним, Гегель трактует не как простую сумму изменений, происходящих во времени, а как саморазвитие абсолютного духа,двигающегося от состояния менее совершенного к состоянию более со-

вершенному [9, с. 103–105]); конечно, с ними пришлось считаться, но если бы кочевников вообще не существовало, ничего бы в истории не изменилось и всем народам подлинно историческим от этого было бы только лучше.

Несмотря на объективный идеализм, очевидный анахронизм и ультимативный европоцентризм (а в каком-то смысле и благодаря им), такое понимание кочевничества имеет определенный эвристический потенциал, примером чему могут послужить построения начинавшего гегельянцем Г.Д. Гачева. Он рассматривал кочевнический социум как кровнородственный монолит, самодвижущееся тело, которое перемещается в пространстве и потому фактически покоится во времени, то есть не развивается, не меняется качественно. У кочевников бурное движение легко сменяется длительным застоём, а в итоге от них не остается даже и следов, ибо кочевники не способны определить свою свободу. «Кочевой народ... не может опредмечивать себя ни в городах, ни в храмах, ни в статуях, ни в письменности, ни в удобренной земле, ни в ирригационных системах. По отношению к этой, вещественной, форме опредмечивания кочевой народ играет отрицательную роль. Это – народы-ферменты, движущиеся в порах истории. Они – орган и орудие развития, исторического движения. Но сами почти не развиваются именно потому, что их движение уходит в пространство (смена мест), а не во время (смена обществ на одной земле)» [8, с. 315].

В противоположность Гегелю, представители концепции локальных цивилизаций отвергали идею единой всемирной истории, но относительно кочевников их мнения мало чем отличались от гегелевских и гегельянских. Так, Н.Я. Данилевский считал, что значительное количество этносов оказались неспособными к образованию оригинальных культурно-исторических типов «потому, что, живя в странах малоудобных для культуры, не вышли из состояния дикости или кочевничества (как вся черная раса, как монгольские и тюркские племена). Эти племена остались на степени этнографического материала, т.е. вовсе не участвовали в исторической жизни, или возвышались только до степени разрозненных исторических элементов» [11, с. 93]. О. Шпенглер, еще более резко выступавший против единства всемирной истории, характеризовал «беспорядочные подъемы и падения скифов» (как и других примитивных племен) так: «В данном случае речь идет о зоологических событиях... У примитивного человека история существовала только в биологическом смысле. <...> "Исторический человек", как я понимаю это слово и как понимали его все великие историки, это человек, принадлежащий какой-то культуре. До нее, после нее и вне ее он не имеет истории». Таким образом, кочевники, не достигающие не только до стадии цивилизации, но и до стадии культуры, есть феномен природный, а не исторический; происходящие в их мире события «настолько же бессмысленны, как и события, происходящие в бобровой колонии или в степи, где пасутся стада газелей» [23, с. 60]. А. Дж. Тойнби, не противопоставлявший культуру цивилизации, также не отрицал за кочевниками права быть причисленными к последней, но не в числе 21 развитой и 4 неродившихся, а как

одной из 5 задержанных (arrested) цивилизаций. Внутреннюю историчность кочевничества он тоже отрицает, ибо кочевники приходили в историю со стороны и снова уходили в сторону, подвижные не столько социальными, сколько природными факторами. Физические условия аридной зоны Евразии сделали их не хозяевами, а рабами степи («вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла»); «наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром», а потому «несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории» [19, с. 181, 186]. Л.Н. Гумилев в своей теории этногенеза не сомневался в том, что гунны или арабы имели непосредственное отношение к истории, однако связывал периоды активности кочевников с климатическими изменениями (гетерохронными увлажнениями евразийского степного пояса). В остальное время кочевники пребывают в равновесном состоянии гомеостаза, являясь не столько социально-историческим, сколько естественно-природным феноменом, неотъемлемой частью биоценоза. Например, печенеги, отметившиеся в истории Хазарии, Руси и Византии, большую часть времени населяли экстрааридную зону между Иртышом и Аралом (позднее кочевали в Северном Причерноморье), пребывая в гомеостазе, и только когда в начале XI в. «степи вновь зазеленели, овцы нагуляли жир, а кони – силу, печенеги воспряли вместе с природной средой, ибо при гомеостазе этнос неотделим от биоценоза вмещающего ландшафта» [10, с. 285]. Наконец, Ф. Бродель, сделавший шаг от признания плюральности цивилизаций к новому их объединению в рамках мир-системного подхода, относил кочевников к опасным варварам, порой под воздействием климатических и демографических факторов приходящих в движение и вторгающихся к оседлым соседям [5, с. 110–111]. Для них соседство с кочевниками было «настоящим испытанием, подлинным библейским злом». Французский историк описывал ситуацию так: в степных и пустынных районах Евразии «живут кочевые народы: турки, туркмены, киргизы, монголы... Тучи всадников. Уже при своем появлении на страницах истории они были такими же, какими оставались и впоследствии, т.е. до окончания периода их исторического величия (примерно до середины XVII в.), – жестокими насильниками и грабителями, славящимися немислимой храбростью. Только благодаря оружейному порошку оседлым народам удалось покончить с этой опасностью. С тех пор их держат на дистанции, и они до сего дня живут, влача жалкое существование. <...> Почему мы проявляем сегодня интерес к этим кочевым народам в цивилизационном плане? Потому что их вчерашние фантастические набеги, безусловно, замедлили развитие крупных соседних цивилизаций» [4, с. 178]. Таким образом, кочевники внесли свой вклад в историю – но вклад отрицательный.

Апология и критика «кочевой цивилизации»

В то же время среди сторонников цивилизационного подхода есть авторы, стоящие на иных, а порой прямо противоположных позициях. Так, А.И. Мартынов настаивает на существовании евразийской

степной цивилизации, комбинируя при описании последние стадиальные и типологические критерии. Начало ее восходит к палеометаллической эпохе, 2 этап развития ассоциируется со скифо-сибирским миром, а со II в. до н.э. начинается 3-й, когда «определяющей силой исторического развития становятся хунну на востоке, усуни на юге и сарматы (прохоровцы) на западе». После появления таких «основных признаков цивилизации», как монументальная архитектура, скульптура, искусство звериного стиля к VI в. до н.э. в консолидирующемся «степном евразийском цивилизационном пространстве» возникают «государственные образования» (и даже «система ранних государств»), которые становятся «во многом определяющей силой в Евразии». «Очевидно, надо признать, – заключает автор, – что в середине и второй половине 1 тыс. до нашей эры в мировой истории были 4 основные исторические силы: Ахеменидская Персия...; Античная Греция...; Китай...; и скифо-сибирский мир...». Степная цивилизация кочевников, таким образом, была не только одной из ведущих сил мировой истории, но и «выработала свои определенные культурно-исторические ценности в развитии животноводства, освоении лошади как транспортного средства, колесного и вьючного транспорта, в домостроительстве, горнорудном деле, металлургии, вероятно, в производстве продуктов питания (мясомолочных), устройстве жилищ, рациональных формах одежды, мировоззрении, которые стали достоянием мировой культуры». Не отрицая культурно-исторической ценности кочевнических мясомолочных продуктов и пр., нельзя не заметить определенные преувеличения (так, трудно сказать, на каком источниковом основании говорится о некой скифо-сакской системе государств, синхронной и равной по силе Ахеменидской Персии и Ханьскому Китаю). Как бы то ни было, с данной точки зрения номады не только являлись частью истории Евразии как минимум последних 3-х тысячелетий, но и занимали в ней одно из главных мест [15, с. 14–18].

А.И. Оразбаева считает главной характеристикой «цивилизации кочевников евразийских степей» преобладание у них горизонтальной мобильности над вертикальной. «Производственно-экономические параметры номадизма не поддаются исторической конкретизации, – пишет автор. – Все многообразие социально-экономической и политической структуры кочевого социума, по сути, сводимо лишь в одну цивилизационную константу, т.е. к специфическому способу социального взаимодействия, основанному, скорее всего, на горизонтальной мобильности, чем на вертикальной». Это минимизирует классовую стратификацию и детерминирует взаимодействие индивидов и групп «не столько экономическими и политическими отношениями..., сколько социальными и культурными потребностями» [17, с. 131–132].

Ж.О. Артыкбаев усматривает специфику кочевого общества в доминировании «духовных связей, выраженных в терминах и отношениях родства», что позволяло номадам создавать государства в отсутствие частной собственности и классовой структуры. Эти нетривиальные особенности обуславливали пастырскую миссию пастушеских народов, ни много ни

мало, «в последние 5 тысячелетий». Преодолевая одновременно европо- и азиоцентризм («Необязательно всю нашу историю сопрягать с европейской, а также с историей Востока. Евразийские степи в такой же мере субъект исторического процесса как Запад и Восток»), автор предлагает альтернативную евразийско-центричную оптику, когда зона оседлых цивилизаций рассматривается как периферия «Великого Степного пояса Евразии», подконтрольная номадам. Вплоть до начала Нового времени кочевники главенствовали и верховенствовали над оседлыми народами в военном, политическом и духовном отношениях. Собственно, первые цивилизации Передней Азии, долин Нила, Инда и Хуанхэ были созданы именно в ходе и результате ранних миграций «степных подвижных групп». Возникновение государств на Востоке происходило так: «кочевники привнесли в них свою административно-политическую систему, свое видение государства, а оседлые создавали тот хозяйственный механизм, на чем зиждилось богатство этих государств, а духовная борьба и противостояние привели к формированию первых культов божественного пантеона, письменности, величайших храмов и т.д.». И позднее, в продолжении доминирования кочевников в Евразии «безусловно, стержневая роль в прогрессе человечества принадлежала им, они делали историю», и делали ее они примерно так: «Каждый кризис в очагах древней цивилизации вызывал ответную реакцию у кочевников, которые как санитары устремлялись в этот больной организм. По большому счету это взаимодействие, несшее жизнеспособную структуру на Восток и Запад, можно считать действием исцеляющим, кочевники, как волчья стая, преследующая стадо сайгаков, добывали слабых и старых, освобождая путь молодым и способным». Мнение «добываемых сайгаков» о «волках-санитарах» автора, видимо, не очень интересует, более того, он уверен в благотворности такого «симбиоза кочевников и оседлых», ведь последние даже «находят больше пользы в данной хозяйственно-культурной системе, нежели сами кочевники». Думается, что антиколониалистская позиция казахстанского историка подводит его слишком близко к апологии номадизма, которую нельзя признать строго научной, особенно учитывая неожиданно гегельянские высказывания типа: «Мы исходим из того, что исторический процесс невозможно объяснить на фактологических материалах, на цифрах, поскольку движущей силой истории является дух, выражающийся в различных идеях. Носителями этих идей и духа выступают вполне определенные этносы, этнокультурные образования и т.д.» [2, с. 12–13, 30, 89, 91, 95, 157, 190, 242, 253].

Следует заметить, что выделение кочевников в качестве особой цивилизации является вопросом дискуссионным. Так, Н.Н. Крадин обращает внимание на то, если положить в основу такого выделения хозяйственно-культурный тип, то можно с тем же основанием говорить об особых цивилизациях австралийских охотников/собираателей, арктических добытчиков морского зверя, полярных рыболовов и т.д. Специфические признаки номадической цивилизации на поверку «нередко имеют стадиальный характер и присущи тем или иным этапам культурной

или общественной эволюции. Номадизм как феномен только в своем расцвете существовал не менее двух с половиной тысяч лет, что превышает длительность исторического бытия большей части земледельческих цивилизаций; номады не создали ни одной мировой религии, что говорит об отсутствии "единого духовного ядра"; кочевники входили в разные культурные общности и не осознавали себя как "нечто единое, противостоящее другим обществам". Исходя из всего этого, «представляется более правильным рассматривать номадизм не как особую цивилизацию, а как некую квазицивилизационную общность» [12, с. 43–44].

Номадический гомеостаз

Аргументы Н.Н. Крадина звучат убедительно; думается, что с его позицией можно согласиться и даже попробовать несколько развить. Номады действительно представляли собой определенную общность, и общим у кочевников разных времен и народов было то, что их общества не были способны к развитию. Речь идет о том, что если в сфере материальной культуры линия развития несомненно присутствовала (например, появление в тюркском мире в середине I тыс. н.э. жесткого седла со стременами, разборной юрты и др. [6, с. 58, 226]), то в плане социальной эволюции, понимаемой как совокупность процессов дифференциации и интеграции, приводящих к появлению нового качества [1, с. 7, 24–29], ситуация выглядит иначе. К кочевническому социуму понятие социального развития неприменимо, так как условием, содержанием и мерой последнего является номадизация и/или деномадизация, но не само существование в качестве такового. Сформировавшись в начале первого тысячелетия до нашей эры, он продолжал свое существование в практически неизменном виде, пока не был разрушен становящимся индустриальным обществом к концу второго тысячелетия нашей эры. Это устойчивое существование без развития имеет своей причиной то, что для кочевников социальное определяется не экономикой, а экологией: в однотипных природных условиях состав и структура стада, протяженность и маршруты перекочевок конкретных номадических этносов практически совпадают, невзирая на разделяющие их столетия и тысячелетия, и точно так же схожи друг с другом социальные и политические структуры и институты. Изменения в степи есть, развития нет, и иначе быть не может, пока по ней продолжают двигаться кочевые скотоводы.

Это совсем не парадокс, как может показаться на первый взгляд. Отечественные историки, археологи, этнографы, антропологи в течение нескольких десятилетий дискутировали проблему стадийно-типологической определмости кочевых обществ, но, обсуждая формационную принадлежность кочевничества, его хозяйственно-культурный тип, «кочевой феодализм», «номадный способ производства», «кочевую цивилизацию» и т.п., всегда отмечали гомеостатичность номадического социума, его неспособность к развитию в той мере, в какой он остается номадическим. Так, С.Е. Толыбеков писал, что саки и казахи, арабские бедуины библейских времен и XIX в., тибетские, маньчжурские, монгольские и тюркские кочевники разных эпох, среднеазиатские

кочевники X в. и жители Сырдарьинской области конца XIX в. почти не отличались друг от друга по образу жизни и характеру производственной деятельности; также нет существенных различий между хунну III–II вв. до н.э. и монголами XI–XII вв., между казахами XV в. и XVIII в. (и даже до середины XIX в.). Кочевое общество – это примитивный естественно-исторический организм, хозяйство номадов полностью зависит от стихийных сил природы, к которой оно приспосабливается, а не изменяет ее. Жизнь кочевых скотоводов крайне консервативна, их общество «способно веками сохранять, консервировать и даже реставрировать отсталые формы общественных отношений», пока не произойдет частичное или полное оседание на землю (седентизация). Кочевое скотоводство исключает оседлость, стационарные населенные пункты (особенно города), частную собственность на землю; оно «препятствовало развитию общественного разделения труда среди кочевников», так как у них, в отличие от земледельцев, нет свободного промежутка между периодом производства и рабочим временем – «в этом причина, мешающая отделению ремесла от кочевое скотоводства»; также «кочевое скотоводство задерживало процесс отделения умственного труда от физического», ибо у номадов кочуют все, и когда весь аул пребывает в движении, проходя до 2 800 км в год, заниматься культурным творчеством некому и некогда [20, с. 55, 62, 79, 220, 317–321, 601–602].

А.М. Хазанов указывал, что между ранними и поздними кочевниками (условное деление, считающееся сегодня искусственным [18, с. 8]), номадами древности, средневековья и Нового времени (сарматами и калмыками, кочевниками Тувы I тыс. н.э. и XIX – начала XX вв., монголами XIV в. и XX в.) нет существенных экономических, социальных, культурных различий, так как их хозяйство определяется конкретными условиями той или иной ландшафтно-климатической зоны и природной средой вообще. «Ограниченные возможности экстенсивного кочевое хозяйства ставили предел социальному развитию»: в номадических обществах присутствуют и стратификация, и эксплуатация, но процесс классовообразования никогда не достигает завершения, если только кочевники не оседут на землю и тем самым перестанут быть кочевниками. «В целом... кочевым обществам присущи застойный и туиковый характер, обусловленный спецификой экстенсивного скотоводческого хозяйства, отсутствие достаточных возможностей для внутреннего развития, известная обратимость социальных процессов. <...> На протяжении почти 3 тысяч лет в кочевом мире евразийских степей движение по кругу явно превалировало над поступательным развитием, и если последнее все же имело место, то главным образом под влиянием стимулов, исходивших из земледельческих областей» [22, с. 12, 200, 250, 272]. Традиционное мобильное скотоводство неспособно к долговременному экономическому росту, расширенное воспроизводство здесь невозможно, это перманентно стагнирующее гомеостатическое (при том номадический гомеостаз динамичен) хозяйство; такая база ограничивает предельно возможную степень социально-политической эволюции ситуационным вождеством, но и в этом

случае основным источником социальной дифференциации и политической власти выступают взаимоотношения кочевников с оседлым земледельческим и городским миром [21, с. 36, 160, 278–279].

Г.Е. Марков так же считал, что при достаточно выраженной социальной и имущественной дифференциации у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы, так как процесс классового разложения у них мог достигнуть завершения лишь при разложении кочевничества и оседании на землю. Кочевое скотоводческое хозяйство устойчиво и застойно, его развитие происходило только в периоды сложения и разложения кочевничества; «сложившись, кочевничество далее характеризуется застойностью, которая в основном порождается слабым развитием производительных сил и незначительным разделением труда. <...> Независимость кочевого скотоводческого хозяйства от уровня развития техники, скромные потребности в предметах быта, возможность купить или отнять их у соседей-земледельцев – все это приводило к тому, что разделение труда развивалось медленно. К тому же города, ремесленные центры возникали только при прочной оседлости, что противоречит самой сути кочевничества. <...> В условиях кочевого экстенсивного скотоводства возможностей для вариаций его форм, либо радикального усовершенствования или перестройки самого хозяйства не было. В одинаковых природных условиях одного времени года кочевать можно было только совершенно определенно, что довольно убедительно подтверждается фактическими данными. <...> Низкий уровень развития производительных сил кочевого скотоводства привел к тому, что последнее оказалось в стороне от технического прогресса, что сказалось и на социальном развитии» [14, с. 282, 284–285].

Н.Э. Масанов обратил внимание на то, что четвероногую собственность копить и концентрировать сложно и даже невозможно. Первое ограничивают периодические падежи с одной стороны и необходимость делить скот между отделяющимися сыновьями и платить калым за их невест – с другой, второе ограничено экологически – низкой кормовой производительностью растительного покрова и лимитированными водными ресурсами евразийского степного пояса, что исключает возможность длительного пребывания больших масс скота и, соответственно, скотоводов на одном месте. Общественное производство кочевников пребывает в дисперсном состоянии, социально-сегментирующей функцией которого является препятствование поступательному развитию с окончательным оформлением классов и становлением государственности. Номадный способ производства рассматривается автором как оптимальная модель экологически детерминированного способа жизнедеятельности, динамично сбалансированного с природными ресурсами среды обитания кочевников. Как хозяйство, так и социальная организация кочевников экологически детерминированы, так что номадизм следует понимать «как форму взаимодействия и динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических процессов, как специфическую форму адаптации человека в особых усло-

виях среды обитания, как способ социального функционирования в определенных экологических нишах» [16, с. 4–6, 16, 114–128].

Н.Н. Крадин замечает, что номады с трудом вписываются в общепринятые периодизации исторического процесса, будь то марксистские, эволюционистские или цивилизационные. Пределом эволюционной сложности кочевнических обществ являются «степные империи», но это не государства, а суперсложные вожества, возникающие как форма организации внешней эксплуатации оседлого земледельческого населения (экзополитарный/ксенократический способ производства). Дальнейшее их развитие всегда останавливалось перед непреодолимым барьером экологических условий аридной зоны Старого Света; кроме того, государственность для кочевников не являлась внутренне необходимой, ибо экономическая деятельность осуществлялась в рамках отдельных домохозяйств, а социальные отношения регулировались традиционными (патриархальными, родоплеменными) институтами. Даже в случае возникновения «кочевых империй» о социальном развитии как таковом говорить не стоит: «Политическая система кочевников легко могла эволюционировать от акефального уровня к более сложным формам организации и обратно, но такие формальные показатели как увеличение плотности населения, усложнение технологии, возрастание структурной дифференциации и функциональной специализации, остаются практически неизменными. <...> Всякая последующая эволюция по линии усложнения могла быть связана либо с завоеванием кочевниками земель оседлых земледельцев и переселением на их территорию, либо с развитием среди кочевников седентеризационных процессов» [13, с. 25–29].

Наконец, С.А. Васютин считает необходимым «рассматривать кочевые образования древности и средневековья как дословные традиционные общества с ведущей ролью свободного населения. Такие общественные системы функционируют циклическим способом, сочетая тенденции усложнения и дисперсности, и так и не переходят к жестким сословным формам социальной иерархии. <...> Препятствием для формирования сословий у кочевников выступали автономность хозяйственной деятельности, относительная свобода миграций, отсутствие в кочевых обществах развитой системы земельного владения как важнейшего фактора дифференциации в земледельческих традиционных обществах, неустойчивость политических образований, а значит, и нестабильность элиты, социальная мобильность и незамкнутость окружения кочевых лидеров...» [7, с. 120–121].

Подытоживая этот историографический обзор, можно сказать, что жизнь кочевников тотально экологична и потому перманентно статична, они движутся в пространстве и покоятся во времени. Они кочуют, а не развиваются, и могут начать развиваться тогда и в той мере, когда и в какой мере им придется перестать кочевать, чего кочевники больше всего боятся и меньше всего желают. Номадический социум с тех пор и до тех пор, пока он является таковым, фактически не развивался ни в значении сложности, ни в значении роста. Номадизм представляет собой высокоадаптивный способ приспособления к специфическим условиям окружающей среды, который в то же время и именно поэтому если не исключает

общественное развитие полностью, то предельно минимизирует его потенциал. В течение почти 3 тысяч лет кочевые общества являли собой доказательство того, что историческое бытие не обязательно предполагает общественное развитие, особенно если быть плотно вплетенным «в живую ткань естественно-природных процессов» [16, с. 4].

Выводы

Близость кочевников к природе не означает отдаленности их от истории. Думается, что проблема отношения кочевников к последней приобретет большую возможность разрешения, если перевести его в иную плоскость, понимая под историей не саму сумму событий, а один из способов их мыслить. Историческое мышление рассматривает временные последовательности как причинно-следственно связанные, направленные, неповторимые и необратимые. Такое восприятие событийности становится возможным только на основе письменности, изобретение которой позволило вынести сакральный текст из обряда, канонизировать его, так что, перестав изменяться, он потребовал интерпретации [3, с. 100–109]. В силу этого письменность смогла разделить и противопоставить старое и новое, прошлое и настоящее, и тем

самым обеспечила возможность истории, тогда как прежде, словами К. Ясперса, существовала лишь «доистория» – поток изменений, сам по себе еще не являющийся историей, поскольку последняя «возникает лишь там, где есть осознание истории, традиция, документация, осмысление своих корней и происходящих событий» [24, с. 56]. Соответственно, степень историчности кочевнических обществ следует определять не столько из того, насколько глубокий след они оставили в памяти оседлых цивилизаций, сколько из того, насколько глубоким было их собственное историческое самосознание, базирующееся не на устном эпосе, а на письменной традиции. Одни из них как скифы, гунны или авары, не имели письменности, другие как тюрки, уйгуры или монголы ей в той или иной мере обладали. Если выстроить исследовательскую программу, отправляясь от этого, представляется вероятным получение новых значимых результатов; но это уже тема отдельной работы.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. 368 с.
2. Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). СПб. : Мажор, 2005. 320 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М. : Весь Мир, 2008. 552 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 622 с.
6. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
7. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования) : монография. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2009. 400 с.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль, 1992. 781 с.
11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
12. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М. : Восточная литература, 2006. 557 с.
13. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
14. Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М. : КРАСАНД, 2010. 320 с.
15. Мартынов А.И. Проблемы изучения евразийской степной цивилизации // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи : сборник материалов международной научной конференции. Астана, 2008. 378 с.
16. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы : Социнвест; М. : Горизонт, 1995. 320 с.
17. Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 309 с.
18. Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Издательство Иркутского государственного технического университета, 2005. 230 с.
19. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
20. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата : Наука, 1971. 633 с.
21. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
22. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М. : Наука, 1975. 342 с.
23. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск : Попурри, 2009. 704 с.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.

References

1. *Al'ternativnye puti k civilizacii* (2000) [Alternative Pathways to Civilization]. Moscow, Logos Publ. 368 p. (In Russian)
2. Artykbaev, Zh.O. (2005) *Kochevniki Evrazii (v kaleidoskope vekov i tysyacheletii)* [Nomads of Eurasia (in the Kaleidoscope of Centuries and Millennia)]. Saint Petersburg, Mazhor publ. 320 p. (In Russian)
3. Assmann, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ. 368 p. (In Russian)
4. Brodel', F. (2008) *Grammatika tsivilizatsii* [A History of Civilizations]. Moscow, Ves' Mir publ. 552 p. (In Russian)
5. Brodel', F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilization and Capitalism, 15th – 18th Century. Vol. 1. The Structures of Everyday Life]. Moscow, Progress publ. 622 p. (In Russian)
6. Vainshtein, S.I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii* [World of Nomads of the Center of Asia]. Moscow, Nauka publ. 296 p. (In Russian)
7. Vasyutin, S.A., Dashkovskii, P.K. (2009) *Sotsial'no-politicheskaya organizatsiya kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego Srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya)* [Socio-Political Organization of the Nomads of Central Asia in Late Antiquity and the Early Middle Ages (Domestic Historiography and Modern Research)]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. 400 p. (In Russian)
8. Gachev, G.D. (1999) *Natsional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'tsa i gortsa* [National Images of the World. Eurasia is the Space of a Nomad, a Farmer and a Highlander]. Moscow, Institut DIDIK publ. 368 p. (In Russian)
9. Gegel', G.V.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Philosophy of World History]. Saint Petersburg, Nauka publ. 480 p. (In Russian)
10. Gumilev, L.N. (1992) *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, Mysl' publ. 781 p. (In Russian)
11. Danilevskii, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga publ. 574 p. (In Russian)
12. Kradin, H.H., Skrynnikova, T.D. (2006) *Imperiya Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Moscow, Vostochnaya literatura publ. 557 p. (In Russian)
13. Kradin, N.N. (2007) *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty, Daik-Press publ. 416 p. (In Russian)
14. Markov, G.E. (2010) *Kochevniki Azii: Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii* [Nomads of Asia: The Structure of the Economy and Social Organization]. Moscow, KRASAND Publ. 320 p. (In Russian)
15. Martynov, A.I. (2008) Problems of studying the Eurasian steppe civilization. In: *Nomads of the Kazakh Steppes: Ethnosociocultural Processes and Contacts in Eurasia of the Scythian-Saka Era: Collection of materials of the international scientific conference*. Astana. 378 p. (In Russian)
16. Masanov, N.E. (1995) *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic Civilization of the Kazakhs: the Foundations of the Life of a Nomadic Society]. Almaty, Sotsinvest publ. ; Moscow, Gorizont publ. 320 p. (In Russian)
17. Orazbaeva, A.I. (2005) *Tsivilizatsiya kochevnikov evraziiskikh stepei* [Civilization of Nomads of the Eurasian Steppes]. Almaty, Daik-Press publ. 309 p. (In Russian)
18. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii* (2005) [The Social Structure of the Early Nomads of Eurasia]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 230 p. (In Russian)
19. Toinbi, A.Dzh. (1991) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Progress publ. 736 p. (In Russian)
20. Tolybekov, S.E. (1971) *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka (Politiko-ekonomicheskii analiz)* [Kazakh Nomadic Society in the 17th – early 20th Centuries. (Political and Economic Analysis)]. Alma-Ata, Nauka publ. 633 p. (In Russian)
21. Khazanov, A.M. (2002) *Kochevniki i vneshnii mir* [Nomads and the Outside World]. Almaty, Dike-Press publ. 604 p. (In Russian)
22. Khazanov, A.M. (1975) *Sotsial'naya istoriya skifov* [Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka publ. 342 p. (In Russian)
23. Shpengler, O. (2009) *Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of West: Essays on the Morphology of World History. Vol. 2. World-Historical Perspectives]. Minsk, Popurri publ. 704 p. (In Russian)
24. Yaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow, Politizdat publ. 527 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 17.11.2022

Подписана в печать 26.12.2022

Original article

UDC 930.85

DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_155

NOMADS IN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Andrey V. Shipilov¹

Voronezh State Pedagogical University¹

Voronezh, Russia

¹*Dr. Cultur. Sci., Professor of the Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, ORCID ID: 0000-0002-8885-2157, tel.: (473) 255-26-19, e-mail: andshipilo@yandex.ru*

Abstract. The article considers the approaches to assessing the place and role of nomadic pastoralists in world and civilizational history existing in domestic and foreign historiography and historiography. It has been established that both supporters of the idea of a universal world history and representatives of the civilizational approach considered nomadism not so much as a socio-historical, but as a natural-historical phenomenon. At the same time, researchers who share the concept of a special nomadic civilization apologise for it, asserting its leading role in the history of Eurasia in the last millennia. The author joins the criticism of this concept, but agrees with the ideas of the commonality of nomadic peoples, which consists in the fact that, due to the high degree of ecological determinism of their economy, nomadic societies were in dynamic homeostasis. The solution of the question of the relation of nomadism to history seems to the author possible in the perspective of transferring research interest to the forms of historical self-awareness of orality and literacy nomadic societies.

Key words: history, nature, ecology, nomads, nomadic civilization, social development, dynamic homeostasis.

Cite as: Shipilov, A.V. (2022) Nomads in history and historiography. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (4), 155–162. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_155.

Received 17.11.2022

Accepted 26.12.2022